

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК И ЕГО ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ РЕАЛИИ

В статье рассматриваются власть и социальный порядок в контексте их социокультурной и ценностно-нормативной обоснованности. Акцентируется, что основания легитимности социального порядка непосредственно связаны с рамочными условиями, ценностями, нормами, задающими базовые параметры взаимодействия и коммуникации социальных акторов и через это организующими и определяющими саму возможность (и способ) воспроизводства единого социального пространства.

Легитимность в пределе может быть понята как некое состояние власти, социально-политического порядка и всей социальной системы в целом, характеризующихся внутренней согласованностью, интегрированностью посредством определенной системы ценностей, норм, смыслов, которые образуют социокультурную традицию, укорененную в данном обществе. *Легитимация* в таком случае выступает как процесс осуществления и воспроизводства данного состояния, его «процессуирования», а также как «путь», ведущий к нему. Очевидно, что понята таким образом проблема легитимации (легитимации социокультурной) оказывается теснейшим образом соотнесена и связана с проблемами воспроизводства и проектирования определенной социокультурной идентичности, что актуализирует как историко-социокультурные, так и философско-аксиологические аспекты данной проблемы.

При видении социальных реалий в рамках допущения, что «всеобщее» существует в той мере, в какой оно «признается» индивидами и ориентирует их поведение (М. Вебер), социальные институты (как устойчивые, воспроизводящиеся формы социальных практик) предстают в перспективе действий индивидов и *смысловой соотнесенности* таковых (действий) друг относительно друга. Но дело в том, что субъективные цели осуществляемых индивидами социальных практик зачастую оказываются несовпадающими с их объективными следствиями, что и побуждает акцентировать важность непреднамеренных следствий практик. Хотя «наши институты и традиции <...> представляют собой результаты человеческих действий и решений и изменяются под их влиянием», однако, как указывал К. Поппер, «даже те институты, которые возникают как результат сознательных и преднамеренных человеческих действий, оказываются, как правило, непрямыми, непреднамеренными и часто нежелательными побочными следствиями таких действий» [1].

Очевидно, что индивиды всегда ангажированы в некий социальный контекст и социальную целостность, являющиеся необходимыми условиями их существования. Само общество – это не только сложная система отношений между отдельными индивидами, но и совокупность структур, условностей, институтов, ценностей, идеологий, вкусов, стилей и т.п. Таковые существуют и распространяются в том или ином наборе в каждом конкретном человеке и не могли бы существовать, если бы этого не происходило [2]. В такой перспективе индивид предстает своего рода «социальным микрокосмом»,

отражающим и преломляющим своей субъективностью (неминуемо предполагающей и интерсубъективность) ту социокультурную реальность, в которую он оказывается помещенным. При всем при этом онтологически социальный мир остается укорененным в «человеческой деятельности, в процессе которой он и создается» [3, с. 102]. Экстернализация, при которой человек проецирует свои собственные значения на реальность, и объективация, в процессе которой «экстернализированные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности», суть «два момента непрерывного диалектического процесса» (П. Бергер, Т. Лукман). Третьим моментом такового являются процессы *интернализации*, через которые «объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации» [3, с. 101, 102]. Результатом оказывается то, что, находясь в пространстве социального, человек предстает одновременно как в качестве агента влияния социокультурных, властных и т.д. структур, так и в качестве субъекта сознательной, целенаправленной деятельности, способного (в тех или иных пределах, границах) к проектированию собственной идентичности.

Доминирующие ценности, нормы, смыслы могут быть поняты здесь, с одной стороны, как образующие интерсубъективное концептуально-смысловое пространство, априорное по отношению к социальным практикам конкретных индивидов. С другой стороны, возможно акцентировать внимание именно на коммуникативных взаимодействиях, практиках индивидов, групп, сообществ, в ходе которых выкристаллизовывается, воспроизводится и модифицируется общее нормативно-смысловое, ценностное пространство, задающее горизонт социокультурной идентичности, самовыражения и деятельности индивидов и сообществ. В своей наличной данности определенные ценности, нормы, смыслы, будучи интернализированными индивидами в качестве структур их собственной идентичности, обычно предстают для них как нечто самоочевидное, ненуждающееся ни в каких дополнительных обоснованиях и подкреплениях. Но таковые могут предстать и как нечто объективированно-отчужденное, связываемое исключительно с определенными воплощающими их внешними структурами, институтами, властью, воспринимаемыми в качестве противостоящих индивидам сил, сущностей, сковывающих их активность, и таким образом подвергаться проблематизации (различной степени и интенсивности).

Очевидно, что степень фактической легитимности¹ некоего властно-политического, а если шире, то социального порядка в целом, в таком случае преимущественно будет определяться степенью соотнесенности (в пределах совместимости) смыслов и практик, провозглашаемых, осуществляемых, внедряемых им, со смыслами и практиками, укоренившимися в данном социуме, признаваемыми в качестве «значимых» основной массой индивидов и их сообществ, объединений, социальных групп.

Независимо от того, видится ли в социально-властном порядке преимущественно средство утверждения воли одних за счет других (К. Маркс) или же механизм «обеспечения коллективного целедостижения» (Т. Парсонс), в любом случае власть в качестве именно социально-политического (а не природ-

¹ Имеется ввиду фактическая, эмпирическая «признанность», «значимость» порядка в обществе, которая может как совпадать с его «нормативной легитимностью» (формальное соответствие нормативно-правовой базе), так и не совпадать.

ного) феномена предполагает не только «отложенное насилие», «возможное насилие» (Э. Канетти), но и «власть» определенных идей, ценностей, норм, правил над сознанием людей, придающих самим принуждающим ресурсам некий символический характер.

Социально-политические идеи, полагаемые и принимаемые в качестве регулятивных принципов и целей социального функционирования, отсылают (в том числе) к неким «основам», дающим право на принуждение и регламентированное насилие, осуществляют социокультурное, духовно-нравственное обоснование властно-политических феноменов. Конечно, в контексте так называемой «культуры подозрения» (распространение которой обычно связывают с именами К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда) данные реалии могут подвергаться весьма критическому осмыслению: стоит вспомнить К. Маркса, говорившего об идеологических феноменах как маскирующих иррациональность «общества отчуждения», создающих и поддерживающих социальные иллюзии и тем самым легитимирующих, оправдывающих наличный заведомо несправедливый социальный порядок, или Ф. Ницше, просматривавшего все человеческие реалии через призму «воли к власти», ее осуществления, утверждения, реализации. На этом фоне принципиально важно акцентировать, что легитимность предстает не только как способ идеологического обоснования определенного порядка, но и как такой механизм существования власти, который гарантировал бы определенную безопасность от ее воздействия. А это подразумевает, что, с одной стороны, признается право властной инстанции на руководство, в том числе монополия на принуждение, а с другой, что участники социально-властных отношений принимают *общие рамки (стандарты) власти как символического посредника, обеспечивающего выполнение обязательств*. Власть, будучи таким образом соотнесена с особой всеобщей сферой, предстает как нечто структурное, безличное, способное выражать всеобщий интерес [4]. Как утверждал Т. Парсонс, легитимизация в системах власти является фактором, во многом аналогичным «уверенности во взаимном зачете и стабильности платежной единицы в денежных системах». Соответственно, «применение власти, как и использование денег, по сути дела, должно сводиться к жертвованию альтернативными решениями, которые исключаются из-за обязательств, взятых властью на себя в соответствии с определенной политикой» [5]. Поясняя эту мысль, М. В. Ильин и А. Ю. Мельвилл указывают, что если власть выступает как в чем-то сравнимый с деньгами символический посредник, «то может происходить ее «девальвация» и «ревальвация». Все зависит от того, насколько предсказуемо и точно будут выполняться взаимные обязательства властей и подвластных, равно как и граждан по отношению друг к другу. Чем надежнее выполнение всех этих обязательств, тем выше «цена» власти, а чем сомнительнее становится выполнение обязательств, тем ниже падает доверие к власти, а значит, и к призванным обеспечивать ее поддержание и циркуляцию акторам» [6].

Позитивность власти может проявляться в том, что она, опираясь на процессы самоорганизации в обществе, способна инициировать продуктивные и органичные для данного общества нововведения и заимствования, перерастающие в его естественное, эволюционное движение. Но при этом *ориентация лишь на эффективность – недостаточное основание власти*, т.к. неудачи почти неизбежно будут ставить ее под вопрос и грозить крахом

(в таком случае остается только надежда на силу и принуждение для удержания положения, поставленного под угрозу).

Важно акцентировать внимание на аксиологическом измерении бытия социума и власти: именно ценности, выступая в качестве средства, формирующего сами социальные отношения и управляющего процессами социальной интеграции и дифференциации, образуют собственно социокультурный механизм взаимодействия людей (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ю. Хабермас). Разделяемые обществом ценности представляют собой убеждения людей относительно целей, к которым они должны стремиться, и основных средств их достижения. Легитимность, будучи несводимой к эффективности (хотя и соотносимой с ней), предстает здесь как «действительная правомочность», выраженная социальной поддержкой ценностей, которые воплощает власть и режим. Правомочная власть выступает как «власть, охраняющая и развивающая ценности общества и принципы его политического строя» [7]. Пользуясь широкими средствами социальной поддержки, она в меньшей мере может прибегать к принуждению и манипуляции для укрепления своих распоряжений. Как утверждал К. Ясперс, «легитимность подобна кудеснику, беспрестанно создающему необходимый порядок с помощью доверия, нелегитимность – это насилие, которое повсеместно порождает насилие, основанное на недоверии и страхе» [8, с. 172, 173].

Во всяком социуме присутствуют символические и моральные границы (связанные с устоявшимися схемами мышления, восприятия, оценивания), которые выражаются через нормативные запреты, а также представления и практики, посредством которых определенные реалии фиксируются, маркируются и отграничиваются как маргинальные или даже чуждые, инородные данному сообществу (и, стало быть, в последнем случае имеется устойчивая тенденция к отторжению таковых и даже к восприятию в качестве своего рода «табу»). Периоды переоценки и ревизии символических и моральных границ часто могут приводить к возникновению «моральной паники» и требованиям переопределить и очертить заново эти границы [9]. Легитимность порядка предполагает как наличие определенных норм, правил, регламентаций разного рода (необязательно правовых в строгом смысле слова), так и их принятие, соблюдение, если не обществом в целом, то значимой его частью. Поэтому возможна она лишь в условиях некоей социальной целостности. И хотя всякая легитимность может обнаруживать момент относительности, а ее основания в принципе всегда могут быть подвергнуты критике [8, с. 172, 173], обоснованным представляется утверждение, что «социум и легитимность – неразделимые явления и понятия: *общество образует и сохраняет стабильность на базе какой-то легитимности*. Но последняя может поддерживаться только в социальной среде, сознающей и признающей свою целостность (пусть даже это целостность нарождающаяся, еще неустойчивая, самого низшего порядка)» [10].

Практика легитимации, обращая нас к контексту социокультурной релевантности определенных институций, практик, установлений, форм их реализации и т.д., подразумевает их ценностностную, духовно-нравственную обоснованность (по крайней мере, приемлемость) в рамках данной перспективы (заданной историко-культурной традицией и в пределе устремленной к универсальности через взаимодействие, диалог с другими традициями, «жизненными мирами»).

Если представить публичную (политическую) власть в социуме как организованную зависимость одних людей от других в рамках признаваемой ими общей социально-политической идеи (и связанных с ней принципов, ценностей, норм), то логично утверждать, что «критерием легитимности здесь, очевидно, служит сама идея, объединившая данных людей, а точнее ее содержание» [11, с. 59]. Согласно А.-Н. З. Дибирову, наиболее важными моментами таких идей, полагаемых и принимаемых в качестве регулятивных принципов и целей социального функционирования (с точки зрения их легитимирующей силы), представляются: во-первых, зафиксированное в них отношение к религии (различные варианты религиозных и светских форм легитимности) и, во-вторых, представление об отношении государства как политического института к сфере частной жизни людей (гражданскому обществу) [12]. В конечном итоге подразумевается соотнесенность этих идей, связанных с ними принципов, ценностей, норм с более широким социокультурным (и хозяйственно-экономическим) контекстом, укладом. Соответственно, здесь следует указать на две фундаментальные идеи, наиболее повлиявшие (и влияющие) на концептуализацию и «институциональный дизайн» социально-политических реалий: 1) религиозную идею, в рамках которой «легитимной» считается та «нормативная» и «социально-политическая структура», которая в своей основе отражает и поддерживает высший, сакральный порядок, а властные полномочия исходят из сферы божественного; 2) идею «служения народу» как единственному «земному богу» и источнику верховной власти¹, оформившуюся в итоге в чисто светский принцип легитимности государственной власти [11, с. 59, 60].

В данной связи обращает на себя внимание понятие «народной перспективы в политике», активно обсуждаемое рядом российских философов и политологов. Будучи связанными с интерпретацией ряда идей Н. Макиавелли, построения в духе «народной перспективы» отсылают в том числе к проблеме соотношения политических и моральных ценностей, «морали частной» и «политической». Так, Б. Г. Капустин сущность последней усматривает в том, что «в ней осуществляется, разрешается и воспроизводится вновь то *неустраняемое противоречие между политикой* как коллективно организованной, конфликтной, властной деятельностью плюральных субъектов и (*частной*) *моралью* как совокупностью «трансцендентных», универсалистских и императивных ориентаций индивидуального сознания» [13]. Постулаты специфической политической морали, согласно точке зрения российского философа, являются выражением «народной перспективы», выступающей этическим пределом политики и власти. «Политик утрачивает эту перспективу, если мотивом его поступков оказываются корыстные интересы властей предрежащих. Однако, руководствуясь общечеловеческой моралью, он обрекает себя на пассивность, поскольку любое подлинно политическое действие требует разделения на «своих» и «чужих» [14].

О. В. Гаман-Галутвина, двигаясь в русле «политического реализма», конкретизирует рассуждения об этическом измерении политики утверждением, что определяющим критерием нравственности в этой сфере является соответствие политики национально-государственным интересам. При этом

¹ При этом, конечно, многое еще зависит от того, какая концепция «народа» и «народной перспективы» развивается.

«либеральная парадигма», трактуемая «политику в целом и мировую в частности как сферу сотрудничества, взаимопомощи, безопасности, права, интеграции», рассматривается как «идеалистическая» [15].

При всей «реалистичности» подобных построений представляется, что в современных условиях ориентация политики лишь на «народную перспективу» или же «государственный интерес» не может быть признана достаточной: в правовом государстве принципиально важной является именно ответственность власти перед законом и правом (в котором выражена воля народа), ориентация на права и свободы личности.

В этой связи интересна позиция украинского исследователя Г. А. Гребенника. Разрабатывая проблему связи политики с моралью, он обращает внимание на «макиавеллианский» и «кантианский» дискурсы и соотносит их следующим образом: «Если макиавеллианский дискурс – это дискурс власти, который осуществляется наверху социальной иерархии и посредством гигантского аппарата, то кантианский дискурс – это дискурс свободы, дискурс одного, скажем, рядового избирателя». При этом свобода – это «бытийственная категория, в политике она приземлена, расщеплена на свободы и права, но свое первородство она выражает в морали, понимаемой по-кантовски – как универсальная, абсолютная структура ценностей. Без нее политика утратит свое «небо». Мы потеряем сам критерий моральности. Неужели морально все то, что служит укреплению государства?» [16, с. 710–717]. Как считает автор, именно моральная мотивация, включающая в себя представление о несправедливости, личном достоинстве, правах человека, выступает важнейшей мотивацией гражданской активности в демократическом обществе, а «массовидность дискурса свободы и качество политической культуры определяют качество демократического строя» [16, с. 710–717].

Насколько этически оправданным выглядит некий порядок, власть; какое моральное основание они имеют (и имеют ли?) под собой? Данный аспект традиционно является значимым как в этико-политических рефлексиях социальных мыслителей, так и для массового сознания. Более того, вопросы легитимности, что вполне соответствует духу традиций политической философии, могут даже сводиться в конечном счете к вопросам моральных прав: поскольку политика, власть сопряжены с насилием, политические явления оцениваются с точки зрения уместности и «справедности» его применения, а понятие о легитимности отсылает нас не только к юридическому авторитету, но и к моральному праву. Поэтому суть дела может видеться именно в том, «каким же образом осуществляется или завершается эта связь между правом и моралью через утверждение легитимности» [17].

Современное легально-правовое развитие общества, являясь результатом широкой экономической, социальной, политической, культурной модернизации, приводящей к ослаблению традиционных религиозно-мифологических, сакральных механизмов и принципов легитимации власти и самолегитимации общества, предполагает становление либерально-демократической традиции и связанных с нею идей и ценностей, ядро которых составляют права и свободы личности. Современность фактически утвердила в качестве моральной константы свободного и автономного индивида, границы свободы которого «определены и сохраняются... в той мере, в какой она (свобода – С. К.) могла бы сочетаться со свободой других» [18]. В качестве социального горизонта здесь полагается «найти такую форму ассоциации, которая защищает и огра-

ждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [19]. При этом (вслед за П. Рикером [20]) важно констатировать, что утверждаемое таким образом согласие имеет идеальный характер: устанавливается оно не столько в процессе фактически заключенного «общественного договора», сколько в договоре подразумеваемом и негласном, который рождается в ходе становления общественно-политического сознания сообщества, ретроспективно, в результате рефлексии и коммуникации.

Определенные идеи, представления, соответствующие им социально-политические установки, переживания, стереотипы, обнаруживая свою укорененность в социуме, «материализуясь» в институтах, практических обычаях и привычках, оказываются способны формировать жизнь реальной политики и власти. И хотя непосредственно политическая коммуникация может быть ориентирована на нечто такое, что могло бы встретить возражения и еще нуждается в обсуждении, в ее структуре некоторым образом уже скрыты ценности и рамочные условия, определяющие саму возможность коммуникации. «Они предполагаются, допускаются в форме намеков и импликаций» [21] и в случае устоявшихся интеракций могут «коммуницироваться» вообще незаметно. При этом «сами по себе политические ценности... как определенные жизненные ориентиры, затрагивающие интересы людей, без морально-нравственных установок, придающих нравственную составляющую деятельности субъектов властных отношений, статичны, безжизненны, декларативны. Объективно они могут превращаться в простые декларативные символы...» [22, с. 33]. И именно в обществах, переживающих транзитные, переходные процессы, часто в структуре властных отношений «как бы атрофируется один из важнейших ее структурных компонентов – политические и моральные ценности» [22, с. 39], дискредитируя власть и проводимый ею курс, а негативизм по отношению к власти (как таковой) приобретает устойчивый характер. В таком случае перед нами ситуация кризиса легитимности, имеющего весьма глубокие основания в социально-политическом сознании индивидов, без преодоления которого невозможна никакая стабилизация и устойчивое развитие общества: кризис ценностей (как социально-политических, так и моральных) – это кризис перспективного целеполагания, механизмов идентичности, самовоспроизводства и развития общества.

Именно в контексте кризисного социума с особой отчетливостью выявляется, что проблема легитимации – это прежде всего проблема рамочных условий и ценностей, задающих базовые параметры взаимодействия и коммуникации социальных акторов и через это организующих и определяющих саму возможность (и способ) воспроизводства единого социального пространства вообще.

Список литературы

1. **Поппер, К.** Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 2. – С. 111.
2. **Бхаскар, Р.** Общества / Р. Бхаскар // Социологос / под ред. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1991. – С. 227–230.
3. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-Центр: Медиум, 1995.

4. **Алексеева, Т. А.** Демократия как идея и процесс / Т. А. Алексеева // Вопросы философии. – 1996. – № 6. – С. 17.
5. **Parsons, T.** Sociological Theory and Modern Society / T. Parsons. – N. Y. : Free Press, 1967. – P. 309, 324.
6. **Ильин, М. В.** Власть / М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль // Политические исследования. – 1997. – № 6. – С. 159.
7. **Гайда, Ю.** Процесс легитимизации политической власти / Ю. Гайда ; под ред. В. П. Макаренко // Элементы теории политики: сборник статей ; пер. с польского. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1991. – С. 408.
8. **Ясперс, К.** Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991.
9. **Мейлахс, П.** Публичное пространство в дискурсе российского неомодернизма / П. Мейлахс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.narcom.ru/ideas/socio/116.html>
10. **Косолапов, Н. А.** Легитимность в международных отношениях: эволюция и современное состояние проблемы / Н. А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 2. – С. 3.
11. **Дибиров, А.-Н. З.** О природе политической власти / А.-Н. З. Дибиров, Л. М. Пронский // Вестник Московского университета. – 2002. – № 2. – (Сер. 18. Социология и политология).
12. **Дибиров, А.-Н. З.** Легитимность государственной власти и ее основные типы / А.-Н. З. Дибиров // Государственная служба. – 2002. – № 2. – С. 119.
13. **Капустин, Б. Г.** Различие и связь между политической и частной моралью / Б. Г. Капустин // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С. 5.
14. Материалы виртуальной мастерской по политической философии // Политические исследования. – 2002. – № 4. – С. 98.
15. **Гаман-Галутвина, О. В.** Соотношение политики и морали: российский вариант / О. В. Гаман-Галутвина // Вестник МГУ. – 2005. – № 4. – С. 22–23. – (Сер. 12. Политические науки).
16. **Гребенник, Г. А.** Два жанра одной темы (критический анализ литературы по проблеме связи политики с моралью) / Г. А. Гребенник [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://politology2004.narod.ru/>
17. **Пилон, Р.** Права личности, демократия и конституционный порядок: об основах легитимности / Р. Пилон // Вестник МГУ. – 1992. – № 2. – С. 62. – (Сер. 12. Социально-политические исследования).
18. **Кант, И.** Идея истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. – М. : АО «Ками», 1994. – Т. 1. – С. 95.
19. **Руссо, Ж.-Ж.** Об общественном договоре, или принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо. – М. : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково Поле, 1998. – С. 207.
20. **Рикер, П.** История и истина / П. Рикер. – СПб. : Алетейя, 2002. – С. 292, 293.
21. **Луман, Н.** Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Н. Луман // Социологос / под ред. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1991. – С. 207.
22. **Федоркин, Н. С.** Ценностные ориентации власти как интегрирующий фактор социального знания / Н. С. Федоркин // Вестник МГУ. – 2001. – № 2. – (Сер. 18. Социология и политология).